Солнце, Пузырь, Синица и загнутые клюшки

А началось все в последний день лета, за несколько часов до осени. На севере одно перетекает в другое почти незаметно. Еще вчера сопки, что окружали залив, были покрыты зеленой листвой невысоких кустов и деревьев, ягелем и травой, а уже сегодня они примеряли пестрые оранжево-желтые краски. Кругом было красиво, неожиданно солнечно и почти что тепло. Такое здесь редко, но все же бывает. Можно было даже подумать, что ты не в арктической зоне мира, где все заторможено вечным холодом и мерзлотой, а на вполне себе ласковом юге. И еще казалось, что так будет всегда, а потому хотелось беззаботно наслаждаться этими золотыми часами последних мгновений лета, не думая о неизбежном приходе зимы.

В такие дни местная детвора любила забираться на нависавшие над поселком сопки. Они окружали его, точно подкова. Оттуда весь мир был как на ладони их уже не детской, но еще и не взрослой жизни. Поселок на берегу полярного океана, кромка северного моря, песчаная отмель, причалы и сопки-подковы вокруг. Чуть дальше, в низине — жилые дома в один-два этажа, огромная старая школа, почта, администрация и магазин.

Петя Солнцев, Мишка Пузырев и Вера Синицына были друзьями. Вместе ходили еще в детский сад. С тех пор их так и звали: Солнце, Пузырь и Синица, — и все понимали, о ком идет речь. Да и они к этому так

привыкли, что на прозвища не обижались. Отзывались на них легко и охотно. Потому что прозвища были даны, в общем, по делу и вовсе без злобы. Того же Петю Солнцева с его бледно-рыжей копной волос видно было издалека. И плюс фамилия — в общем, понятно, что Солнце. А еще потому, что в мыслях он витал явно где-то не здесь и думал о чем-то своем, особенно когда уходил на старые скалы и долго-долго смотрел на бескрайнее море.

— Что ты там видишь? — спрашивал его Мишка. Но тот в ответ лишь едва улыбался и больше молчал.

— Тебе надо было не на берегу моря родиться, посреди наших сопок, — сказала ему как-то мать, — а где-нибудь в столице. Ходил бы там по консерваториям да картинным галереям. Смотрел бы на них, а здесь такого, как ни крути, нет.

То, что этого в поселке нет, Петя видел и сам, а потому вместо галерей уходил в свои мысли. Или на берег моря. И оттуда улетал мыслями куда-то за горизонт, поближе к солнцу.

И с Пузырем тоже все было понятно. И фамилия подходящая, и комплекция — то, что надо. Для своих двенадцати лет он был большой, энергичный и шумный, а ходил, точно перекатывался, да еще то одним боком вперед забирал, то другим. О том, что на «Пузыря» можно обидеться, он даже не знал и об этом не думал.

— Меня так всегда приятели звали, — улыбался он миру вокруг себя.

Ну а шуструю Веру Синицыну как еще можно назвать? Только Синицей. Ну разве еще, может быть,

чайкой. Их тут летает немало. Но эта мысль никому в поселке в голову пока не приходила.

Так и держались они вместе, потому что доверяли друг другу, и это чувство было для них таким же естественным, точно воздух, солнце и море, которые их окружали. А что еще нужно для дружбы?

Вот и сейчас они сидели на скалах, грелись на солнце и болтали про уходящее лето, смотрели на море, на взрослых и привычную жизнь с высоты своих прожитых лет.

— А я к отцу ездил, — произнес Пузырь. — Сходили с ним на футбол, на чемпионат. Круто там было! Как на другую планету слетал. И стадион — как космическая тарелка. Людей было тысяч под сто, а то и больше! И все улыбаются, всем хорошо! В общем, фантастика!

— Бывает же, когда всем хорошо… — чуть иронично ответила Вера и с прищуром посмотрела на Мишку.

— Да я сам видел! — попытался он с жаром подтвердить то, что сказал.

Но Синица и сама решила не спорить:

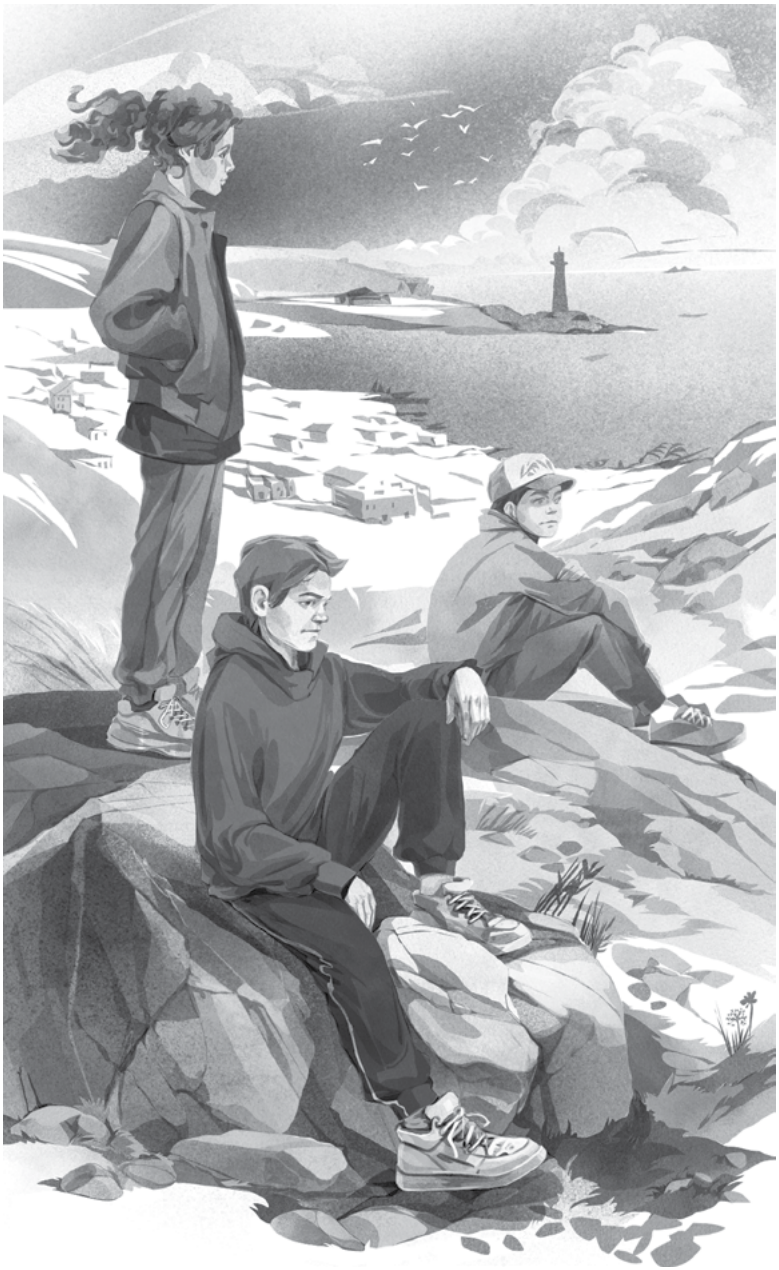
— Да ладно-ладно. Это я просто так. Если видел, то хорошо.

Синица слетала на южное море — сначала в лагерь, а после осталась у родственников. Там было тепло и спокойно, но все равно почему-то тянуло домой.

— Наверное, это привычка, — глубокомысленно произнес Пузырев. — Как у перелетных птиц.

Вера спорить не стала, мысль показалась ей удачной.

Петя сказать про лето мог немного. Матери отпуск не дали, а отправить его было не к кому. Даже



в город к брату, о чем он так мечтал. Брат был в отъезде — вот и болтался Солнце по окрестным бухтам, ловил с причала треску да крутился рядом с археологами, которые работали в поселке все лето — на том месте, где хотели построить завод, прямо у бухты. Оказывается, по правилам надо проводить изыскания в любом месте, если ты собрался возвести там что-то серьезнее голубятни.

Еще Петя пытался сделать свою парусную лодку, только ничего у него не получилось, потому что трудно такое построить одному, без поддержки. Кроме того, в поселке было пруд пруди выброшенных на берег старых лодок. И парус на них поставить не так-то уж трудно. Да только кому это нужно?

Впрочем, из-за всего этого Петя особо не переживал. Так ведь часто бывает: строить планы — это одно, а реальная жизнь — это что-то другое, с ней не поспоришь. Потому и прилагаются к ней любые планы не совсем так, как изначально хотелось. Только и остается, что придумывать всё по новой и ждать, когда где-то там сойдутся все звезды. Хотя как ты будешь их строить, эти планы, если и звезды, и сами планы меняются постоянно? Да еще так цепляют друг друга и тянут в разные стороны, что запросто можно в них заблудиться, словно в тумане или снежной пурге.

В общем, лето уходило, но не исчезало. Все, что было в нем, в эти минуты превращалось во что-то новое: надежды, мечты, планы, которым еще предстояло стать частью наступающей осени. А она уже была совсем рядом: не только в порывах холодного ветра со стороны океана, но еще больше — в чувстве

приятного беспокойства и чуть тревожного ожидания завтрашнего дня, который обязательно принесет что-то пока еще незнакомое.

На самом-то деле нового в жизни поселка всегда было немного. Это ж вам не Москва. И одно из таких событий — новый школьный учитель Петр Петрович Перов. Или Три Пэ, как его сразу прозвали в поселке.

Новый учитель — это, конечно, условно. Пару лет назад его прислали в поселок после пединститута. Говорили, что вроде сам захотел узнать жизнь, как она есть. А два года — это по местным меркам почти вчера, потому что здесь со временем свои отношения. Оно летит не так быстро, как в городе, и воспринимается совсем по-другому. Вот и Перов все равно считался здесь новеньким.

Перов заключил с местной администрацией контракт на три года. Он ехал сюда и мечтал о том, что будет, как просветитель минувших эпох, нести в жизнь в далеком селенье доброе, светлое, вечное. Он ведь идеалист: учитель истории и литературы. И, в общем, так и получилось. Хотя опять же все вышло не совсем так, как хотелось.

Например, была у него мысль увлечь всех местных мальчишек-девчонок катанием на велосипедах — туризмом и велоспортом. Очень прогрессивная тема. Никаких вредных выбросов в атмосферу, а на двухколесном друге можно уехать хоть на край земли. Но выяснилось, что здесь велосипед — это вовсе не тренд, а летняя необходимость. С его помощью передвигаться просто быстрее. Но ездят на нем не за красотами — для этого у местных нет ни времени, ни желания, ни сил.

Потом он хотел изменить мир через пристрастие к фотографии. Три Пэ рассуждал очень ясно и просто: если человек будет больше фотографировать, то быстрее увидит всю красоту и недостатки мира, а значит, будет больше ценить первое и активнее исправлять второе. Но его опять никто особо не понял. Какие тут красоты, когда мир вокруг привычен с детства — и в своей красоте, и в разрухе? А в качестве фото хватает и селфи.

Потом учитель решил пойти глубже и заняться историей этих мест. Полез в интернет, выяснил, что кто только здесь не бывал — от венценосных особ до русских художников-импрессионистов. И так этим всем вдохновился, что посвятил обзору истории последних столетий поселка сначала целый урок, а потом еще и еще. Но и тут особого эффекта на молодые умы не произвел. Им ведь все равно — что представитель императорского дома из позапрошлого века, что какой-нибудь киношный мститель. Мститель даже еще пореальнее будет. Его ведь показывают в кино и по интернету.

Были еще идеи кинолектория, книжного клуба… Закончилось тем, что на него повесили в школе кучу предметов, а во время замен приходилось вести даже физкультуру. Учителей-то здесь, на краю земли, днем с огнем не отыщешь. Так что мечты все же сбываются, пусть и не совсем в той форме, о которой мечтал изначально.

Но месяцы шли, постепенно запал юных лет все больше смерзался в арктических холодах, и Перов все чаще мечтал о том, чтобы взять да и уехать отсюда

в Москву. Там даже учитель физкультуры зарабатывает так, что и квартиру снимать можно, и на жизнь еще останется. А если к тому же найти подработку в каком-нибудь фитнес-клубе, так и вовсе можно почувствовать себя человеком.

Или еще можно в Питер — там денег, конечно, поменьше, но зато столица культуры: музеи, театры, архитектура. Это вам не полуразрушенные сараи у океана. А он застрял в этой дыре, и никуда ему из нее не деться.

Вот и решил он сегодня, в последний день лета, поставить в этой истории точку. Вернувшись из длинного отпуска, Перов наконец-то созрел подать заявление об уходе и подписать его сразу у мэра. Он ведь тут самый главный.

Так он и сделал: взял чистый лист и написал, что уходит. Но по дороге в администрацию встретил мальчишек, которые бежали на гору.

— Здравствуйте, Петр Петрович, — заголосили ребята. И громче всех — Пузырев. Он всегда и везде был самым шумным.

Учитель поздоровался в ответ, но как-то не очень уверенно, и отвел в сторону взгляд.

Может, это он после лета такой или просто торопится, подумали дети. И только Петя подошел к своему старшему тезке, когда товарищи уже побежали наверх. Он посмотрел на учителя, потом — на залив и тихо спросил:

— Заявление написали?

— А ты откуда об этом узнал? — с искренним удивлением произнес Три Пэ.

— Да ни для кого не секрет… Тут все заявления пишут. Особенно если не местный… — ответил ему мальчик.

— Да, решил, что пора, — честно признался Перов. Потом вздохнул и поежился, словно ему стало прохладно. Как-то он не был готов к тому, что увольняться ему будет стыдно из-за мальчишек. Но ведь не менять же из-за них свои планы? На том и разошлись в разные стороны два Петра.

И вот теперь учитель стоял перед мэром, протягивая ему бумагу всей своей поселковой жизни. В каком-то смысле ее итог.

А тот на бумагу даже не глянул. Засунул в портфель и перевел разговор на другую тему.

— Я уезжаю в область на совещание, потом почитаю, что ты там придумал, — ответила власть. — А пока, будь добр, побудь на хозяйстве. Тут должны привезти гуманитарную помощь. Надо б принять. Все равно она для тебя — твой спортинвентарь.

И, не дав Перову даже ответить, хлопнул дверью своей черной «Волги»:

— Спасибо за помощь! Давай! — и тут же укатил совещаться.

От такого поворота событий Перов немного опешил. Про помощь поселку он, в общем, был в курсе. Уже пару лет что-то возили сюда ради будущего завода, который хотели построить у самого моря. Новый проект — добыча газа на шельфе или что-то такое, развитие территории, поддержка людей. Но в эти дела Перов старался не лезть. Не его это уровень. Где завод — а где он, обычный учитель? Тем более что время все шло, а завод был по-прежнему лишь на бумаге.

И вообще, при чем тут завод?! Он ведь пришел увольняться… А тут опять какая-то просьба! Так и уволиться не дадут!

Но дальше вообще все пошло не по плану.

Глава поселка уехал, и практически сразу к администрации вырулил новенький джип. Черный, здоровый и мощный, как танк. Из него вышел мужчина в модном пиджаке и блестящих лакированных туфлях. Они сверкали в одной общей тональности с джипом, и их владелец вкратце все объяснил учителю быстро и просто:

— Ты понимаешь, пока я к вам ехал с благотворительной помощью, у нас в офисе все опять поменялось. Пришли новые люди, они всё переиграли, и теперь мы отсюда уходим. То ли запасы тут не подтвердились, то ли не смогли получить лицензию, то ли еще что-то такое. Но суть в том, что теперь нас здесь больше нет. Вот и получил я команду: пельмени разлепить, благотворительность забрать, офис закрыть.

— Быстро у вас… — произнес оторопевший учитель.

— И не говори, — согласился мужик. — А с другой стороны, чего тянуть-то? Так что ты уж извини.

И он принялся утрамбовывать в джип свой гуманитарный и офисный скарб. Получалось у него это, прямо скажем, не очень. Оно и понятно: надо ведь сворачивать целый офис, а тут еще эта ненужная гуманитарка, которую он вез с собой. Какие-то коробки приходилось поддавливать и сжимать, вытаскивать и запихивать снова. Но затолкать все, что было, даже в безразмерный джип почему-то не получалось. Слишком уж много всякого барахла успели

сюда завезти. Рассчитывали надолго, а вышло все впопыхах и коряво. Вот и возился теперь лакированный с этими дурацкими коробками — то так упакует, то этак.

Учитель стоял чуть поодаль и плохо понимал, что ему делать. В голову лезли мысли о том, насколько все временно в этом уж больно несовершенном и непостоянном мире. А ведь поначалу ради нового завода вообще хотели снести половину поселка. Ему лет пятьсот, между прочим, если не больше. Всё людей уговаривали дать на это дело добро. По такому случаю и зачастили коммерсанты в эти края. То какую-то гуманитарную помощь подтянут, то книги — в школу, то игрушки — в детсад. Всё хотели, чтобы народ разрешение дал, но люди уперлись и в одобрении отказали. А теперь вообще выходило, что хлопоты эти были напрасны.

— И что? Совсем ничего не оставите? — наконец-то спросил учитель, когда мужик остановился рядом с машиной и выпрямил спину. В словах Три Пэ звучала нотка иронии, но мужик ее не расслышал. У него и своих проблем выше крыши. Не до всяких ему было нюансов. Он по-деловому посмотрел на коробки, задумался и как-то неопределенно покачал головой. Типа — нет, не оставит.

Солнце, Пузырь и Синица спустились пониже к поселку: все-таки интересно, что здесь происходит. А приезжий мужик большие коробки всё носит и носит. И в машину их грузит. Туда-сюда, туда-сюда. Поняв, что все затолкать в джип все равно не удастся, он на мгновение остановился и вспомнил про заданный ему учителем вопрос:

— Оставить, говоришь? Ну разве что это… — и он протянул Перову связку коротких, закругленных книзу клюшек. Они как раз вывалились ему под ноги, никуда не желая влезать.

Учитель посмотрел на клюшки и опешил.

— А нам-то они зачем?! Они же для хоккея с мячом! А мы вроде писали, что нам нужны для хоккея с шайбой. Вы ведь и корт современный собирались построить. Что нам теперь с ними делать?

Мужчина в лакированных ботинках картинно развел руками.

— Ну уж какие были. Будете русский хоккей развивать. Исконно наш вид спорта, между прочим.

Но Перов продолжал упорствовать:

— Какое развивать?! У нас здесь и стадиона для такого хоккея нет и не будет!

Приезжий поморщился и махнул рукой.

— Да какая разница?! Вон во дворе поиграете. Или на речке. У вас тут снег еще лет двести не растает. Если такое вообще случится. Так что играйте хоть целую вечность. Бери-бери, нам они точно уже не нужны.

Перов грустно усмехнулся:

— А нам?

Мужчина в ответ поднял взгляд и раздраженно спросил:

— Короче, брать будешь?

Перов посмотрел на него и промолчал.

В общем, так в старинном поселке у моря и появился русский хоккей.